

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

Антон Павлович Чехов

Произведение искусства
(Рассказы)

Антон Павлович Чехов

Произведение искусства

Держа под мышкой что-то, завернутое в 223-й номер «Биржевых ведомостей», Саша Смирнов, единственный сын у матери, сделал кислое лицо и вошел в кабинет доктора Кошелькова.

– А, милый юноша! – встретил его доктор. – Ну, как мы себя чувствуем? Что скажете хорошего?

Саша заморгал глазами, приложил руку к сердцу и сказал взволнованным голосом:

– Кланялась вам, Иван Николаевич, мамаша и велела благодарить вас... Я единственный сын у матери, и вы спасли мне жизнь... вылечили от опасной болезни, и... мы оба не знаем, как благодарить вас.

– Полно, юноша! – перебил доктор, раскиная от удовольствия. – Я сделал только то, что всякий другой сделал бы на моем месте.

– Я единственный сын у своей матери... Мы люди бедные и, конечно, не можем заплатить вам за ваш труд, и... нам очень совестно, доктор, хотя, впрочем, мамаша и я... единственный сын у матери, убедительно просим вас принять в знак нашей благодарности... вот эту вещь, которая... Вещь очень дорогая,

из старинной бронзы... редкое произведение искусства.

– Напрасно! – поморщился доктор. – Ну, к чему это?

– Нет, уж вы, пожалуйста, не отказывайтесь, – продолжал бормотать Саша, развертывая сверток. – Вы обидите отказом и меня и мамашу... Вещь очень хорошая... из старинной бронзы... Досталась она нам от покойного папаша, и мы хранили ее, как дорогую память... Мой папаша скупал старинную бронзу и продавал ее любителям... Теперь мамаша и я этим же занимаемся...

Саша развернул вещь и торжественно поставил ее на стол. Это был невысокий канделябр старой бронзы, художественной работы. Изображал он группу: на пьедестале стояли две женские фигуры в костюмах Евы и в позах, для описания которых у меня не хватает ни смелости, ни подходящего темперамента. Фигуры кокетливо улыбались и вообще имели такой вид, что, кажется, если бы не обязанность поддерживать подсвечник, то они прыгнули бы с пьедестала и устроили бы в комнате такой дебош, о котором, читатель,

даже и думать неприлично.

Поглядев на подарок, доктор медленно почесал за ухом, крякнул и нерешительно высморкался.

– Да, вещь, действительно, прекрасная, – пробормотал он, – но... как бы выразиться, не того... нелитературна слишком... Это уж не декольте, а чёрт знает что...

– То есть почему же?

– Сам змий-искуситель не мог бы придумать ничего сквернее. Ведь поставить на столе такую фантасмагорию значит всю квартиру загадить!

– Как вы странно, доктор, смотрите на искусство! – обиделся Саша. – Ведь это художественная вещь, вы поглядите! Столько красоты и изящества, что душу наполняет благоговейное чувство и к горлу подступают слезы! Когда видишь такую красоту, то забываешь всё земное... Вы поглядите, сколько движения, какая масса воздуха, экспрессии!

– Всё это я отлично понимаю, милый мой, – перебил доктор, – но ведь я человек семейный, у меня тут детишки бегают, дамы бывают.

– Конечно, если смотреть с точки зрения толпы, – сказал Саша, – то, конечно, эта высокохудожественная вещь представляется в ином свете... Но, доктор, будьте выше толпы, тем более, что своим отказом вы глубоко огорчите и меня и мамашу. Я единственный сын у матери... вы спасли мне жизнь... Мы отдаем вам самую дорогую для нас вещь, и... и я жалею только, что у вас нет пары для этого канделябра...

– Спасибо, голубчик, я очень благодарен... Кланяйтесь мамаше, но, ей-богу, сами посудите, у меня тут детишки бегают, дамы бывают... Ну, впрочем, пусть остается! Ведь вам не втолкуешь.

– И толковать нечего, – обрадовался Саша. – Этот канделябр вы тут поставьте, вот около вазы. Эка жалость, что пары нет! Такая жалость! Ну, прощайте, доктор.

По уходе Саши доктор долго глядел на канделябр, чесал у себя за ухом и размышлял.

«Вещь превосходная, спора нет, – думал он, – и бросать ее жалко... Оставить же у себя невозможно... Гм!.. Вот задача! Кому бы ее подарить или пожертвовать?»

После долгого размышления он вспомнил про своего хорошего приятеля, адвоката Ухова, которому был должен за ведение дела.

– И отлично, – решил доктор. – Ему, как приятелю, неловко взять с меня деньги, и будет очень прилично, если я презентую ему вещь. Отвезу-ка я ему эту чертовщину! Кстати же он холост и легкомыслен...

Не откладывая дела в дальний ящик, доктор оделся, взял канделябр и поехал к Ухову.

– Здорово, приятель! – сказал он, застав адвоката дома. – Я к тебе... Пришел благодарить, братец, за твои труды... Денег не хочешь брать, так возьми хоть эту вот вещицу... вот, братец ты мой... Вещица – роскошь!

Увидев вещицу, адвокат пришел в неопи-санный восторг.

– Вот так штука! – захохотал он. – Ах, чёрт подери его совсем, придумают же, черти, такую штуку! Чудесно! Восхитительно! Где ты достал такую прелесть?

Излив свой восторг, адвокат пугливо по-глядел на двери и сказал:

– Только ты, брат, убери свой подарок. Я не возьму...

– Почему? – испугался доктор.

– А потому... У меня бывают тут мать, клиенты... да и от прислуги совестно.

– Ни-ни-ни... Не смеешь отказываться! – замахал руками доктор. – Это свинство с твоей стороны! Вещь художественная... сколько движения... экспрессии... И говорить не хочу! Обидишь!

– Хоть бы замазано было, или фиговые листочки нацепить...

Но доктор еще пуще замахал руками, выскочил из квартиры Ухова и, довольный, что сумел сбыть с рук подарок, поехал домой...

По уходе его адвокат осмотрел канделябр, потрогал его со всех сторон пальцами и, подобно доктору, долго ломал голову над вопросом: что делать с подарком?

«Вещь прекрасная, – рассуждал он, – и бросить жалко, и держать у себя неприлично. Самое лучшее – это подарить кому-нибудь... Вот что, поднесу-ка я этот канделябр сегодня вечером комику Шашкину. Каналья любит подобные штуки, да и кстати же у него сегодня бенефис...»

Сказано – сделано. Вечером тщательно за-

вернутый канделябр был поднесен комику Шашкину. Весь вечер уборную комика брали приступом мужчины, приходившие полюбоваться на подарок; всё время в уборной стоял восторженный гул и смех, похожий на лошадиное ржанье. Если какая-нибудь из актрис подходила к двери и спрашивала: «Можно войти?», то тотчас же слышался хриплый голос комика:

– Нет, нет, матушка! Я не одет!

После спектакля комик пожимал плечами, разводил руками и говорил:

– Ну, куда я эту гадость дену? Ведь я на частной квартире живу! У меня артистки бывают! Это не фотография, в стол не спрячешь!

– А вы, сударь, продайте, – посоветовал парикмахер, разоблачая комика. – Тут в предместье живет старуха, которая покупает старинную бронзу... Поезжайте и спросите Смирнову... Ее всякий знает.

Комик послушался... Дня через два доктор Кошельков сидел у себя в кабинете и, приложив палец ко лбу, думал о желчных кислотах. Вдруг отворилась дверь и в кабинет влетел Саша Смирнов. Он улыбался, сиял и вся его

фигура дышала счастьем... В руках он держал что-то завернутое в газету.

– Доктор! – начал он, задыхаясь. – Представьте мою радость! На ваше счастье, нам удалось приобрести пару для вашего канделябра!.. Мамаша так счастлива... Я единственный сын у матери... вы спасли мне жизнь...

И Саша, дрожа от чувства благодарности, поставил перед доктором канделябр. Доктор разинул рот, хотел было что-то сказать, но не сказал ничего: у него отнялся язык.